

коноводами верст 5—6, развернул на возвышенности батарею и, завидев или заслышав при лунной тихой ночи какое-то движение из Ардагана, дал наугад залп из всех шести орудий Толмачева и понесся далее. Это была колонна неспешного за ним 16 батальона. К счастью, залп этот не причинил им никакого вреда. Генерал Гених остановился только в селе Зураунь, в тридцати верстах от Ардагана. К этому времени туда уже прибыла доблестная Сибирская казачья бригада с генералом Калитиным, героем еще Скобелевских времен. Мы встретили эту бригаду рано утром 17 декабря, когда она спешила в Ардаган.

Через два дня наши пластуны в селе Зураунь отгрелись, отдохнули и подтянулись, и подошли опять к Ардагану. Сибирцы уже в это время зашли в гыл туркам и в капусту рубили все, что из Ардагана пыталось выйти. Соединившись с ними, под общей командой генерала Калитина, мы снова взяли Ардаган, при чем, кажется, от 9 батальонов турок, кроме восьмисот пленных, ничего больше не осталось.

Бои эти имели огромное значение на дух турок. Теми же пластунами с помощью еще частей приморского отряда генерала Лихова (тоже пластуны) уже через

месяц турки были выбиты из долины реки Чороха, отброшены за нашу с ними границу и уже до конца войны не пыгались предпринимать здесь какие либо активные действия.

Не будем судить мертвых. Не будем повторять старых истин, что сильный волею начальник с полками наспех сформированными может творить великие дела. Однако, нельзя умолчать и не подчеркнуть и того обстоятельства, что казаки уже 10 и больше лет не были в строю, а занимавшиеся мирным трудом у себя в станицах, третьесочередные, хотя и далеко им до пластунов 2-ой бригады г. Гульги, а особенно 1-ой г. Пржевальского, доведенных перед войной до высокой степени совершенства обучения и воспитания, все же сразу нашли себя, сразу же спаялись и грозные боевые части и не посрамили в жестоких боях с врагом славы родного Войска. Вечная память убитым и умершим героям и неуведаемая слава живым пластунам. До живите Вы долгие века в благодарной памяти родимой матери нашей — Вольной Кубани, а живые — храните героический дух дедов и отцов ваших, несмотря ни на какие переживания и страдания.

Шамба Балинов.

Настроение казаков в Родных Краях.

В прошлом номере „В. К.“ я писал, со слов приехавшего из СССР „спеца“, об отношении русского народа, т. е. русских рабочих и крестьян, к советской власти. Это отношение, как, впрочем, было и раньше известно, в высшей степени благоприятное для большевиков. Но русский „спец“ тогда умолчал об отношении к советской власти других народов, в частности Кавказства. Теперь этот „пробел“ восполнен недавно приехавшим с Кубани чехом-инженером, долгие годы жившим в Екатеринодаре, только в 20-х числах марта с. г. оттуда выехавшим.

Хотя подлинное отношение Кавказства к большевикам нам и так известно, но считаю необходимым привести выдержки из слов этого беспристрастного живого свидетеля нечеловеческого казачьего страдания.

— Как живут там казаки, как они относятся к коллективизации?

— Что вам говорить о казачьей жизни? Это — сплошной ужас, непрерывная цепь страданий и мук... Подчеркиваю — казачья жизнь, т. е. жизнь казаков, физически существующих, т. е. вообще казачьей жизни по закону там не должно существовать, даже имя казачье упразднено. В Кавказских Краях сейчас очень много пришедших неказачьих элементов, советской властью обласканных, живущих за счет казаков. Жизнь этих пришельцев, в сравнении с их прежней жизнью, конечно, гораздо лучше. По крайней мере они ничего не потеряли, а многие и приобрели... Что же касается отношения казаков к „коллективизации“, то могу сказать, что это — величайшее несчастье для казаков. До этого они хоть кое-как изворачивались, а теперь они приперты к стене. Сколько душу раздирающих сцен и страшных трагедий разыгрывается на этой почве сейчас среди казаков! Чтобы вы могли представить себе приблизительную картину того, что там сейчас происходит, расскажу вам трагедию одной казачьей семьи, непосредственным свидетелем и очевидцем которой был я сам. В Екатеринодаре (Краснодаре) в соседстве со мною жила одна казачья семья, состоявшая из пожилого отца и матери, взрослой дочери-невесты и сына лет 18. Глава семьи — почтенный, трудолюбивый человек, пользовавшийся глубоким уважением всех его знавших. Один раз его хозяйство было уже разорено большевиками, но он упорным трудом сумел за это время снова кое-как сколотить его. Но пришло время „коллективизации“ и у него, как „кулака“, забрали все. После этого он долго ходил как полуживой человек, стал угрюм, перестал говорить, все молча обходил свой опустевший дворик. Однажды он вышел из дома и не возвратился к обеду. Жена забеспокоилась,

пошла искать по соседям. Нигде нет. Стала искать по двору и, наконец, нашла мужа в сарае... в мешке и повешенным. Жена в состоянии отчаяния тут же сделала то же самое: в мешок и повесилась. Пришедшая затем домой дочь, не найдя родителей, пошла искать и нашла в сарае два рядом висевших мешка с бесдыханными телами родителей. Нервы девушки не выдержали этой страшной картины и она в состоянии безумия сделала то же самое. Пришедший вечером сын нашел в злополучном сарае три висевших мешка с телами отца, матери и сестры.

За этой семьей числился налоговой недоимок — несколько пудов зерно. Сын пошел в Совет и заявил комиссару, чтобы он приехал сейчас же получить от них числящийся за ними недоимок. Тот приехал. Сын повел его в сарай и, указывая на висевшие трупы, сказал: получите! Эта ужасная картина даже на самого комиссара так подействовала, что он застрелил приведшего его сына ховяина, но тут же застрелился и сам...

Вот вам яркий пример отношения казаков к „коллективизации“. Эта трагедия разыгралась на моих глазах и она — не единичное явление, а почти бытовое...

Но и до „коллективизации“ всей большевицкой политической системой казаки были поставлены в такие условия, что им оставалось только одно: бежать из своих Родных Краев, искать счастья где-то далеко от своих мест. И бежали и бегут. Конечно, есть и такие твердые, волевые, упорные казаки, которые, несмотря ни на что, ни на какие гонения, сопротивляются, пытаются как нибудь оставаться у себя дома. Но таких сами большевики убивают: высылают, вывозят...

А как проходит служба казаков в красной армии? Как они уходят и приходят со службы? Ведь раньше у нас проводы казаков на службу и их возвращение были целыми событиями, сопровождавшимися празднествами...

— Ничего подобного теперь нет. Не до того им теперь! Как казаки проходят службу, не знаю. Молодые казаки куда-то незаметно уходят, где-то служат и также незаметно приходят. Вы спрашиваете о настроении красной армии... Этого настроения, по моему, там нет или, по крайней мере, о нем никто не знает. Не знает по одной весьма простой причине. Вернувшись со службы казаки говорят, что там мы боимся говорить друг с другом, потому что красная армия кипит шпионами, даже своему ближайшему другу нельзя верить.

— Но каково настроение казаков дома, о чем они думают, что делают и на что надеются?

— При существующем режиме там казаки вряд ли сумеют что-либо сделать; при всем своем желании они не в состоянии будут проявить какую-либо политическую деятельность. Общее и единодушное настроение глубокая ненависть к большевикам, к советской власти и нетерпеливое ожидание скорейшего свержения ее какою угодно ценою... При чем советская власть, большевизм, в сознании казаков непременно связывается с Москвой, рассматривается исключительно московским плодом. На что надеются? Вся надежда их на своих казачьих эмигрантов. Очень часто приходится слышать разговор: ведь там, за границей, наших казаков много. Там наши Атаманы, Правительства и все активные борцы за казачьи права! Неужели они не слышат о наших страданиях? Неужели они ничего не предпринимают? Не может быть, чтобы все они там отдались своей личной жизни и забыли нас! Нет, они, конечно, думают о нас, делают все, что в их силах и придут к нам на помощь!

Таково общее настроение казаков. Я его знаю хорошо, ибо много лет жил в их среде. Правда, по своему происхождению я чужой им человек, особой симпатии к ним, казакам, не питал. По своему политическому настроению, было время, я из всех русских политических партий предпочтение отдавал партии левых с. р. Но в данном случае я не руководствуюсь своей политической симпатией или антипатией, а излагаю вещи так, каковы они есть и как я их воспринимал...

Так излагал общее настроение казаков на Родине и их надежды беспристрастный иностранский свидетель. Это свидетельство вполне совпадает с утверждением самих большевиков о казачьем настроении. Об открытии грабежа казаков большевиками и о вытекающем отсюда естественном общеказачьем настроении открыто пишут сами большевики. Например, некий Н. Барышев в книге „Социальное строительство в деревне. Кубанский округ“, 1929, пишет: „на Кубани проведено т. н. основное землеустройство на 95% от всей земельной площади в округе. Достигнута ликвидация безземелья. Все безземельное население, составлявшее 500.000 душ, получило земельные трудовые наделы. Значительно увеличилось общее количество крестьянских хозяйств. В 1926 г. их было 175 тысяч, теперь стало 240 тысяч. (Все это за счет казаков, путем изгнания их из родных мест! Ш. Б.). Достигнуто, т. о., уравнение в землепользовании (Хорошее уравнение! Ш. Б.), установлен в округе нормальный трудовой надел. Эта работа имеет огромное — революционно-политическое значение... (Слитая истина! Таким путем казаки из своих мест выбрасываются, их земля передается первым защитникам большевиков — русским крестьянам, а ненавистное большевикам „казачье сословие“ уничтожается! Ш. Б.). Можно считать, что противоречия в области земельных отношений в

основном разрешены... („Противоречия разрешены“ путем ограбления казаков! Ш. Б.).

... Ход землеустройства вызвал напряженную политическую обстановку в станицах. (Еще бы! Ш. Б.). Здесь с особой резкостью выступали классовые противоречия. Ведь это произошло за счет сокращения кулацкого землепользования (читай — казачьего! Ш. Б.), которое было снижено до среднего трудового надела. Почти вся земля была в руках Казачества. Хозяйства же, имевшие сверх нормы, потеряли, их излишки экспропрированы. (По толкованию большевиков, все казачье хозяйство было сверхнормным, а потому оно экспроприровано. Ш. Б.). Это было достигнуто в обстановке обостренной классовой борьбы. Эта борьба осложнялась тем, что она проходила не только по линии классовой, но и по линии сословной... (Читай — уничтожали „казачье сословие“! Ш. Б.). Кулацкое (казачье) сопротивление против землеустройства было активным и изощренным. Например, по адресу бедноты, которой отводились планы земли, раздавались кулацкие (казачьи) голоса: „Наши придут — мы вам планы на спине вырежем“.

Так, по свидетельству самих большевиков, казачья земля, казачье хозяйство экспропрированы, а сами казаки, под жестоким железным прессом московских большевиков, под широким наплывом северных пришельцев, с голодной жадностью бросающихся на казачье добро, нечеловеческим стоном стонут и умирают, и с отчаянной надеждой направляют свой взор на далекий запад в тщетной надежде получить оттуда избавление, ибо там — наши Атаманы, Правительства, наши сильные, активные братья.

Но, мы пережили жестокое время, видели беспримерные человеческие жестокости, изуверства и, естественно, сознание притупилось, сердце огрубело, очерствело. Вот почему беспрерывные стоны наших братьев на Родине не трогают сердца некоторых казаков в эмиграции. Этого мало. Есть некоторые „чрезвычайно разумные“ казаки, которые, в добавок к тому, что ничего не хотят делать для избавления Казачества от страдания, „своим умом“ дошли до утверждения, что исчезновение Казачества — вполне „закономерное историческое явление“, ибо Казачество — пережиток прошлого. И, если исчезновение Казачества принесет счастье „Великой России“ и укрепит ее, то, слава Богу, этим самым казаки исполнят свой последний долг перед Родиной-Россией, ибо — „мы прежде всего русские, а потом казаки!“ (если Казачество, помимо поли этих „разумников“ сохранится!).

Так фальшиво-гордо заявляют, на тротуарах европейских городов демонстрируют свою „любовь“ к „Великой России“ „российские патриоты“ из казаков. Фальшиво потому, что кто не любит ближнего, тот не способен любить дальнего.

Но, да не будет по ихнему!

Н. Нечуй-Левицкий.

Бог поругаем не бывает.

Я снова слышу эти ликующие, победные звуки: Христос Воскресе! Сколько непередаваемой радости они когда то доставляли моей детской душе! Больше, чем заболеть, бояться, выпало, опоздать к заутрене, чтобы только слышать первое Христос Воскресе, торжественно раздающееся из уст старенького священника, среди приумолкнувшей тысячной толпы народа. Шепот многих молящихся пронесется людской массой, как шелест ночного ветерка, а потом звонкие голоса певчих подхватят пенящиеся радостью дивные слова и разбрызжут их по всему храму, переполненному до отказа, и столь же набитому погосту. Стоишь, как зачарованный и двинуться с места не можешь. Сердце щемит от непонятного восторга и дрожащие губы горячо просят у воскресшего Господа, чтобы благополучно прошли экзамены, чтобы здоровье и счастье Бог послал родителям, чтобы успешны были все мои начинания и еще, и еще что то, чего не понимает разум, но

что понятно сердцу... Ведь говорят, что в эту минуту поправший смерть Искупитель исполняет каждую просьбу, обращенную к Нему с глубокой верой. Усталый и томно расслабленный, идешь к утру из церкви домой, но душа полна такого неподдельного счастья, что весь мир готов обнять и бурно расцеловать. Просветленный и совершенно успокоенный, ложишься после разговения на часок-другой соснуть. Знаешь, что не пропустил первого Христос Воскресе и удача будет тебе сопутствовать целый год до новой Пасхи.

А однажды, помнится, случилось, что я проспал светлую заутреню и какое отчаяние овладело мной! Словно случилось непоправимое несчастье и грозные беды ожидают меня впереди. Люди веселились от избытка чувств, а я не мог отогнаться от назойливых, как осенние мухи, мыслей, что проспал спасительные звуки и мои желания, которых было, признаться, немало, не осуществляются. Родители, чтобы не смущать